



ЗОЛОТОЙ
ВЕК

— — —
ИЗБРАННОЕ

•
КАРТИНЫ
КЛОДА МОНЕ

Федор Иванович Тютчев
Дмитрий Владимирович Веневитинов
Антон Антонович Дельвиг
Константин Николаевич Батюшков
Вильгельм Карлович Кюхельбекер
Евгений Абрамович Баратынский
Михаил Юрьевич Лермонтов
Василий Иванович Туманский
Пётр Александрович Плетнёв
Иван Иванович Козлов
Василий Андреевич Жуковский
Александр Иванович Одоевский
Петр Андреевич Вяземский
Александр Сергеевич Пушкин
Денис Васильевич Давыдов
Кондратий Федорович Рылеев
Николай Михайлович Языков
Федор Осипович Туманский
Анна Маркина

Золотой век. Избранное

Серия «Твоя коллекция»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72294985

*Золотой век. Избранное / Е. А. Баратынский, К. Н. Батюшков, Д. В. Веневитинов [и др.]: АСТ; Москва; 2025
ISBN 978-5-17-171913-5*

Аннотация

В коллекционном полноцветном издании «Золотой век. Избранное» представлены известные стихотворения великих русских поэтов, отражающие идеалы, мысли и чувства целой эпохи. Поэзия А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Дельвига, Ф. Тютчева и других авторов проиллюстрирована картинами гениального французского художника и представителя импрессионизма Клода Моне (1840-1926), которые эстетично дополняют лирику, придавая ей визуальную глубину, и погружают читателя в неповторимую атмосферу Золотого века.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Василий Жуковский	10
Светлана	10
Лесной король	29
К ней	33
Песня	36
Видение	38
Константин Батюшков	42
Выздоровление	42
Мой Гений	46
Пробуждение	49
«Есть наслаждение и в дикости лесов...»	52
Из цикла «Подражание древним»	54
«Без смерти жизнь не жизнь: и что она?»	54
Сосуд...»	
«Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден...»	55
Денис Давыдов	58
Гусарский пир	58
«Поведай подвиги усатого героя...»	62
Песня	63
Элегия IV	67
Романс	74
Кондратий Рылеев	77

«Я ль буду в роковое время...»	77
Из письма Булгарину	79
Стансы	84
Вильгельм Кюхельбекер	89
Пробуждение	89
К друзьям, на Рейне	93
Клён	98
19 октября 1837 года	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Золотой век. Избранное

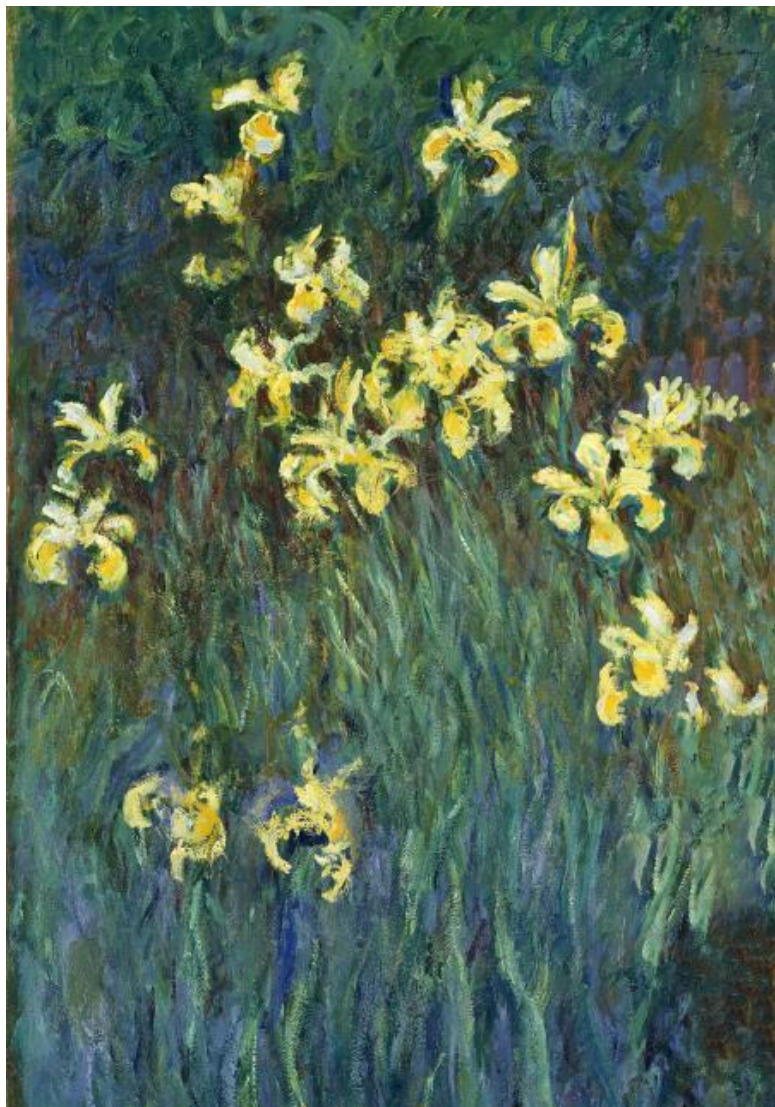
Составитель А. Маркина

Серия *«Твоя коллекция»*



Иллюстрации *Клода Моне*

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2025



Василий Жуковский
(1783–1852)

Светлана



Красная накидка (Мадам Моне)

Кливленд, Художественный музей, 1873

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счётным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.
Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?»
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: “Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,

Обручаться тем кольцом
При святом налое”».



Мороз

Частная коллекция, 1885

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался – вести нет;

Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит.
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Лёгкою рукою;
Упадёт с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;

Тёмно в зеркале; кругом
Мёртвое молчанье;
Свечка трепетным огнём
Чуть лиёт сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.



Дома в снегу

Денверский художественный музей, 1895

Подпершися локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За её плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в её влетает слух
Тихий, лёгкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»

Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждёт
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальну песнь поёт;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;

С нетерпением кони рвут
Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг,
Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.



Мороз

Частная коллекция, 1880

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил
Тускнет в фимиаме;
На середине чёрный гроб;

И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит,
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями;
Ворон каркает: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в чёрну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонёк;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вкруг метель и выюга.

Возвратиться – следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.



Заснеженные дома и гора Колсаас

Шимода, Музей современного искусства Уэхара, 1895

Что ж? В избушке гроб; накрыт
Белю запоной;

Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... выюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольёт дрожащий свет,
То опять затмится...
Всё в глубоком, мёртвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Лёгкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...

Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвец шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь – на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.



Сорока

Париж, Музей Орсе, 1869

Встрепенулся, развернул
Лёгкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул.
Всей лишённый силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...

Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг её – мертвец!
Ах! ...и пробудилась.

Где ж?... У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумным бьёт крылом петух,
День встречая пеньем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,

Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идёт.
Кто?.. Жених Светланы.



Вид на Аржантёй в снегу
Женева, Музей искусства и истории, 1875

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он

В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
Не хочу и славы;
Слава – нас учили – дым;
Свет – судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя закон:
Здесь несчастье – лживый сон;
Счастье – пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...

Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснётся;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесётся
Мимо – Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь её светла,
Будь весёлость, как была,
Дней её подруга.



1808

Плакучая ива

(фрагмент) Колумбус, Художественный музей, 1918

Лесной король

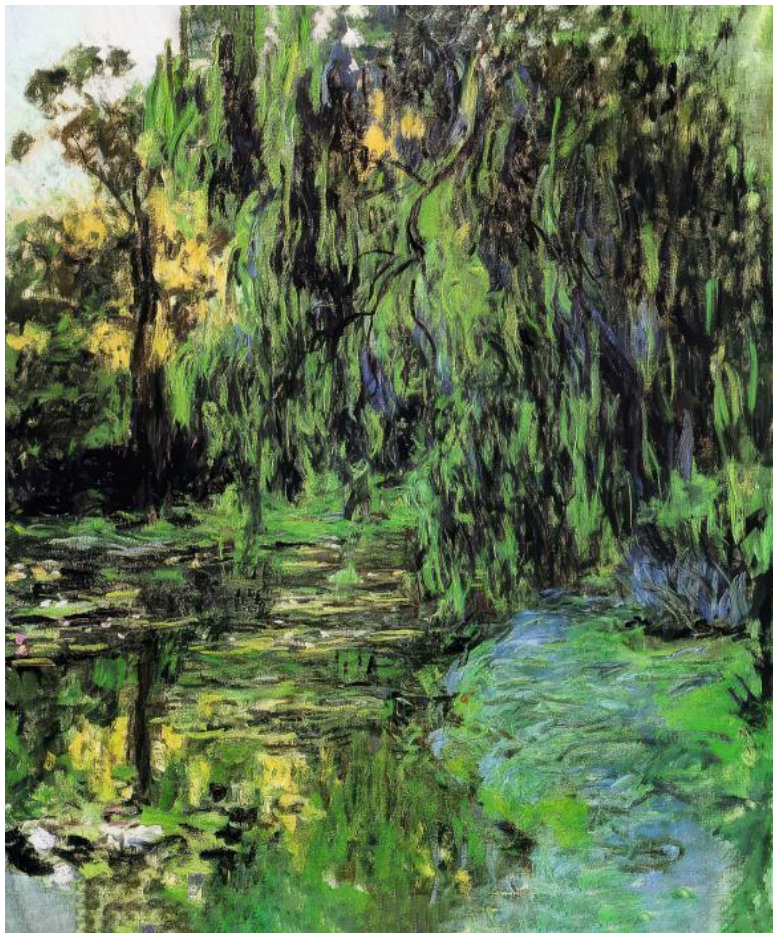
Кто скачет, кто мчится под хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

«Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?» —
«Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул:
Он в тёмной короне, с густой бородой». —
«О нет, то белеет туман над водой».

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Весёлого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

«Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит». —
«О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листы».

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».



Плакучая ива и пруд с водяными лилиями
(фрагмент)

«Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из тёмных ветвей». —
«О нет, всё спокойно в ночной глубине:
То вётлы седые стоят в стороне».

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой». —
«Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать».

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок подгоняет, ездок доскакал...
В руках его мёртвый младенец лежал.



Весна (Читательница)

(фрагмент)

Балтимор, Художественный музей Уолтерса, 1872

К ней

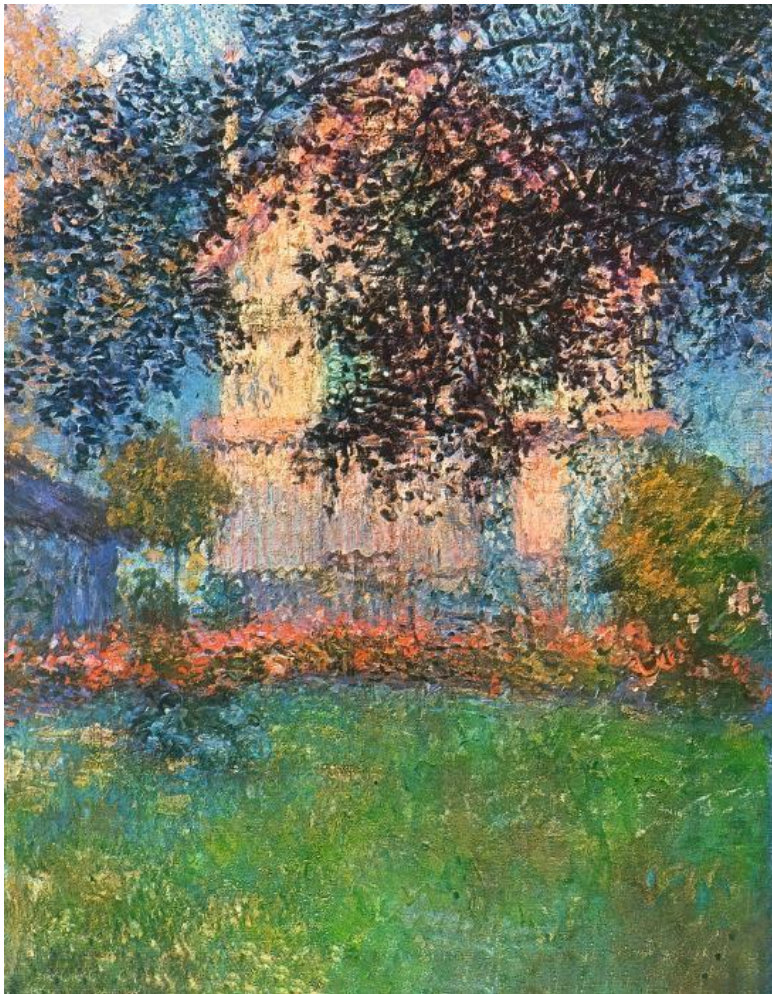
Имя где для тебя?
Не сильно смертных искусство
Выразить прелесть твою!

Лиры нет для тебя!
Что песни? Отзыв неверный
Поздней молвы о тебе!

Если бы сердце могло быть
Им слышно, каждое чувство
Было бы гимном тебе!

Прелесть жизни твоей,
Сей образ чистый священный,
В сердце, как тайну, ношу.

Я могу лишь любить,
Сказать же, как ты любима,
Может лишь вечность одна!



Дом Моне в Аржентее

Частная коллекция, 1876

Песня

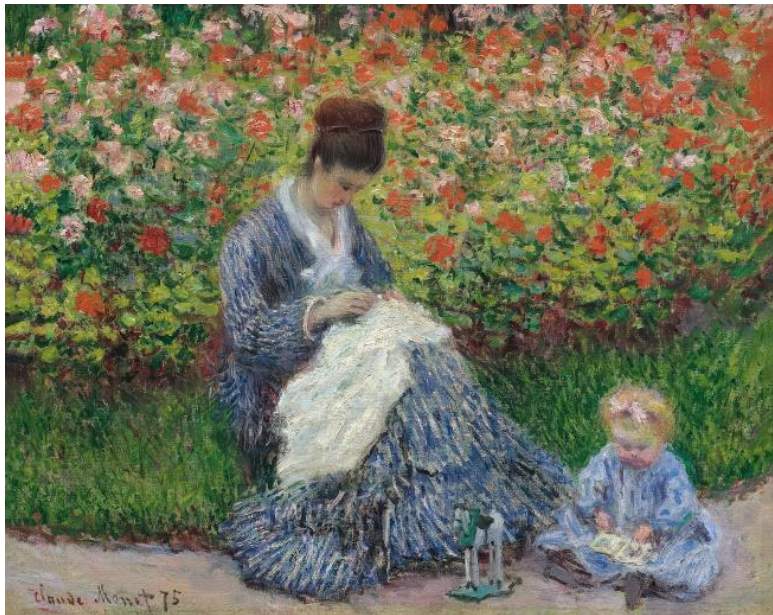
Минувших дней очарованье,
Зачем опять воскресло ты?
Кто разбудил воспоминанье
И замолчавшие мечты?
Шепнул душе привет бывалый;
Душе блеснул знакомый взор;
И зримо ей в минуту стало
Незримое с давнишних пор.

О милый гость, святое Прежде,
Зачем в мою теснишься грудь?
Могу ль сказать: живи надежде?
Скажу ль тому, что было: будь?
Могу ль узреть во блеске новом
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одеть покровом
Знакомой жизни наготу?

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится,
Не узрит он минувших лет;
Там есть один жилец безгласный,
Свидетель милой старины;
Там вместе с ним все дни прекрасны

В единый гроб положены.

1818



**Камилла Моне с ребёнком в саду художника в Ар-
гентее**

Бостон, Музей изящных искусств, 1875

Видение

Блеском утра озарённый,
Светоносный, окрылённый,
Ангел встретился со мной:
Взор его был грустно-ясен,
Лик задумчиво-прекрасен;
Над главою молодой
Кудри лёгкие летали,
И короною сияли
Розы белые на ней;
Снега чистого белей
На плечах была одежда;
Он был светел, как надежда,
Как покорность небу, тих;
И на крыльях живых —
Как с приветственного берега
Голубь древнего ковчега
С веткой мира – он летел...
С чем летел? куда?.. Я знаю!
Добрый путь! благословляю,
Божий ангел, твой удел.
Ждут тебя; твоё явленье
Будет там, как Провиденье,
Откровенное очам;

Сиротство увидишь там,
Младость плачущую встретишь
И скорбящую любовь
И для них надеждой вновь
Опустелый мир осветишь...
С нами был твой чистый брат;
Срок земной его свершился,
Он с землёй навек простился,
Он опять на небо взят;
Ты им дан за их утрату;
Твой черёд – благотворить
И отозванному брату
На земле заменой быть.

1828



Камилла с зелёным зонтиком

Частная коллекция, 1876

Константин Батюшков (1787–1855)

Выздоровление

Как ландыш под серпом убийственным жнеца
Склоняет голову и вянет,
Так я в болезни ждал безвременно конца,
И думал: Парки час настанет.

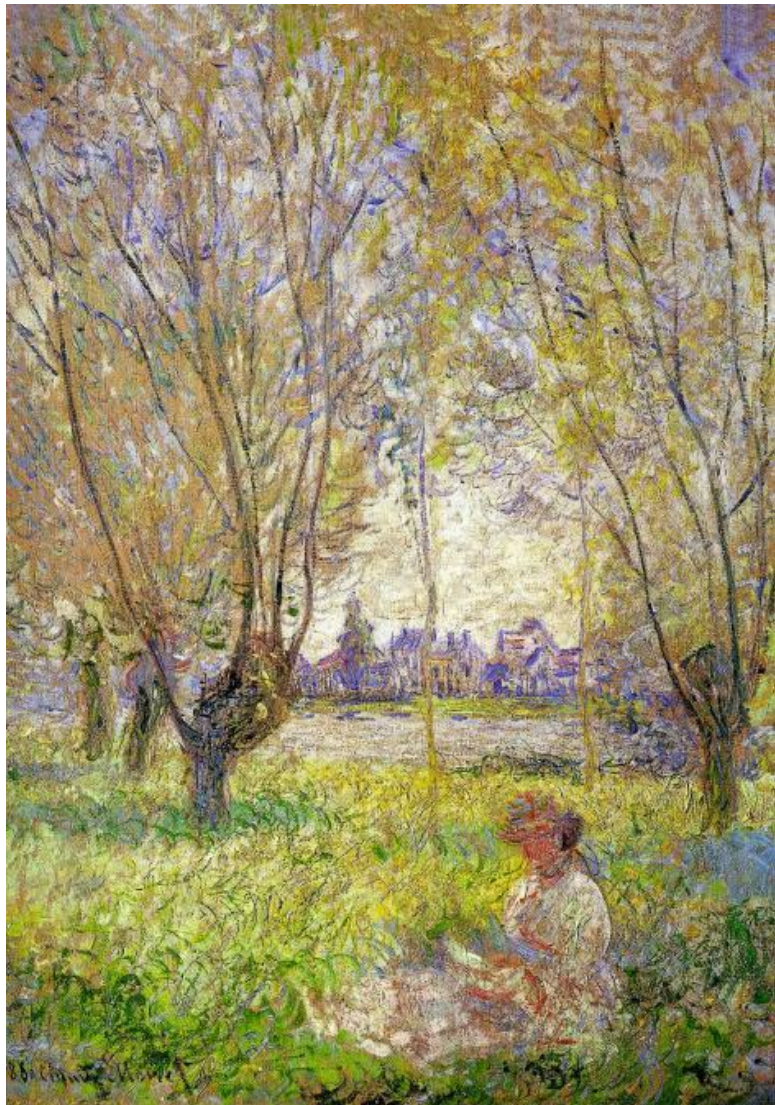
Уж очи покрывал Эреба мрак густой,
Уж сердце медленнее билось:
Я вянул, исчезал, и жизни молодой,
Казалось, солнце закатилось.

Но ты приблизилась, о жизнь души моей,
И алых уст твоих дыханье,
И слёзы пламенем сверкающих очей,
И поцелуев сочетанье,

И вздохи страстные, и сила милых слов
Меня из области печали —
От Орковых полей, от Леты берегов —
Для сладострастия призывали.

Ты снова жизнь даёшь; она твой дар благой,
Тобой дышать до гроба стану.
Мне сладок будет час и муки роковой:
Я от любви теперь увяну.

не позднее 1817



Женщина, сидящая под ивами

Вашингтон, Национальная галерея искусства, 1880

Мой Гений

О память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной,
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.

Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны золотые
Небрежно вьющихся власов.

Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.

Хранитель, гений мой – любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

июль-август 1815



Пейзаж острова Сен-Мартен

Потсдам, Музей Барберини, 1881

Пробуждение

Зефир последний свеял сон
С ресниц, окованных мечтами:
Но я – не к счастью пробуждён
Зефира тихими крылами.

Ни сладость розовых лучей
Предтечи утреннего Феба,
Ни кроткий блеск лазури неба,
Ни запах, веющий с полей,

Ни быстрый лёт коня ретива
По скату бархатных лугов,
И гончих лай, и звон рогов
Вокруг пустынного залива:

Ничто души не веселит,
Души, встревоженной мечтами,
И гордый ум не победит
Любви – холодными словами.

осень 1815



Маннпорт близ Этрета

Нью-Йорк, Музей Метрополитен, 1886

«Есть наслаждение и в дикости лесов...»

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском берегу,
И есть гармония в сём говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.

Я ближнего люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я забывать
И то, чем был, как был моложе,

И то, чем ныне стал под холодом годов.
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает стройных слов
И как молчать о них, не знаю.

Шуми же ты, шуми, огромный океан!
Развалины на прахе строит
Минутный человек, сей суетный тиран,
Но море чем себе присвоит?..

июль-август 1819



Маленькая ферма в Бордигере

(фрагмент)

Омаха, Художественный музей Джослина, 1884

Из цикла «Подражание древним»

«Без смерти жизнь не жизнь: и что она? Сосуд...»

Без смерти жизнь не жизнь: и что она? Сосуд,
Где капля мёду средь полыни;
Величествен сей понт! Лазурный царь пустыни,
О солнце! чудно ты среди небесных чуд!
И на земле прекрасного столь много!
Но всё поддельное иль втуне серебро:
Плачь, смертный! плачь! Твоё добро
В руке у Немезиды строгой!

«Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден...»

Взгляни: сей кипарис, как наша степь, бесплоден, —
Но свеж и зелен он всегда.
Не можешь, гражданин, как пальма дать плода?
Так буди с кипарисом сходен:
Как он уединён, осанист и свободен.

1820–1821



Висящие фазаны

Частная коллекция, 1882

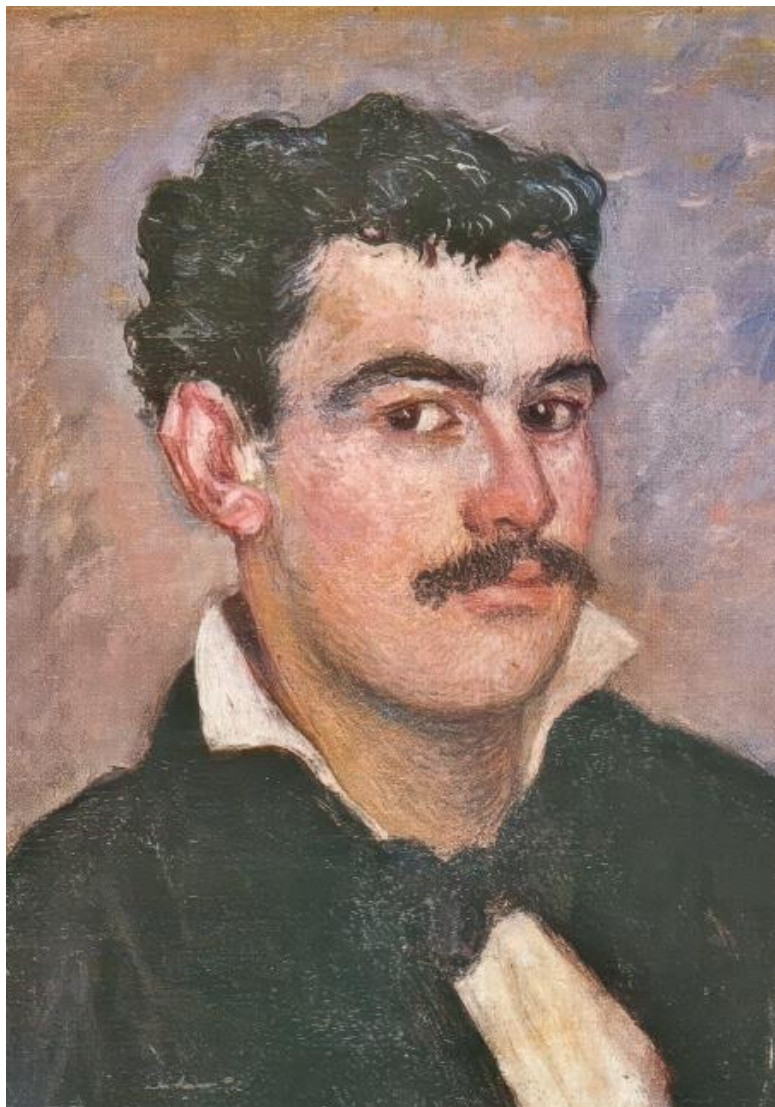
Денис Давыдов (1784–1839)

Гусарский пир

Ради Бога, трубку дай,
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закручёнными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих;
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от ура
И тряслись, и трепетали!..
Лучше б в поле закричали...
Но другие горло драли —
И до нас придёт пора!
Бурцов, брат! что за раздолье!
Пунш жестокий!.. хор гремит!
Бурцов! пью твоё здоровье:
«Будь, гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй, как фланкируешь;

В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!
Жизнь летит – не осрамися,
Не проспй её полет.
Пей, люби да веселися!
Вот мой дружеский совет».

1804



Портрет мсье Кокере

Частная коллекция, 1881

«Поведай подвиги усатого героя...»

Поведай подвиги усатого героя,
О муза, расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов в рубашке кочевал
И в финском колпаке являлся среди боя.
Пускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед.
Румяный Левенгёльм на бой приготавлился
И, завязав жабо, причёску поправлял,
Ниландский полк его на клячах выезжал,
За ним и корпус весь Клингспора пресмыкался.
О храбрые враги! куда стремитесь вы?
Отвага, говорят, ничто без головы.
Наш Кульнев до зари, как сокол, встрепенулся.
Он воинов своих ко славе торопил:
«Вставайте, – говорил, – вставайте, я проснулся!
С охотниками в бой! Бог храбрости и сил!
По чарке да на конь, без холи и затеев;
Чем ближе, тем видней, тем легче бить злодеев!»
Всё вмиг воспрянуло, всё двинулось вперёд...
О муза, расскажи торжественный поход!

Песня

Я люблю кровавый бой,
Я рождён для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рождён для службы царской!

За тебя на чёрта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
За тебя на чёрта рад,
Наша матушка Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днём – рубиться молодцами,
Вечерком – горелку пить!
Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами!

О, как страшно смерть встречать
На постели господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!

О, как страшно смерть встречать
На постели господином!

То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
То ли дело средь мечей:
Там о славе лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой,
Я рождён для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
Я люблю кровавый бой,
Я рождён для службы царской!



Сад с мальвами

Частная коллекция, 1876

Элегия IV

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал;

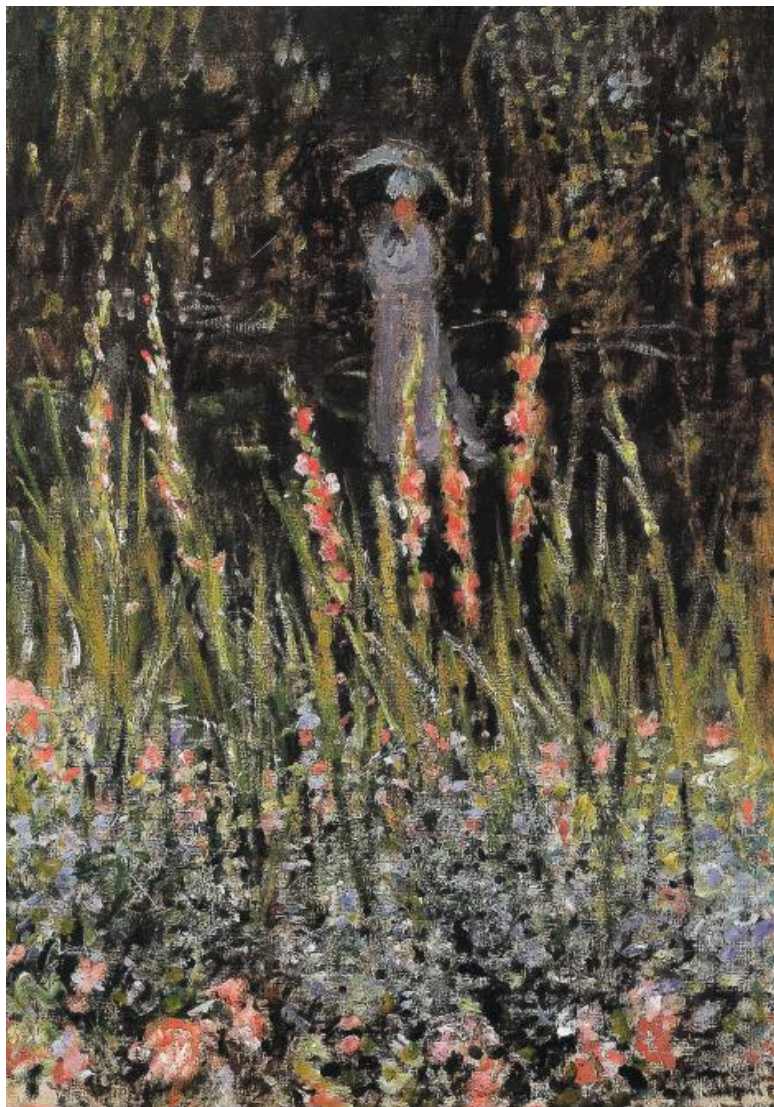
И, в безумстве упоенный
Чадом славы бранных дел,
Посреди грозы военной
Счастье найти хотел!..

Но, судьбой гонимый вечно,
Счастья нет! подумал я...
Друг мой милый, друг сердечный,
Я тогда не знал тебя!

Ах, пускай герой стремится
За блистательной мечтой
И через кровавый бой
Свежим лавром осенится...

О мой милый друг! с тобой
Не хочу высоких званий,
И мечты завоеваний
Не тревожат мой покой!

Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнёт противустать,
Первый долг мой, долг священный
Вновь за родину восстать;



Сад

Детройт, Институт искусств, 1876

Друг твой в поле появится,
Ещё саблюю блеснёт,
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мёртв падёт!..

Полумёртвый, не престану
Биться с храбрыми в ряду,
В память Лизу приведу...
Встрепенусь, забуду рану,
За тебя ещё восстану
И другую смерть найду!

1916



Гладиолусы в саду

Сан-Франциско, Музей современного искусства, 1876



Женщина с зонтиком, повернувшаяся влево

Париж, Музей Орсе, 1886

Романс

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолётных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память – мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

Claude Monet



Фазаны, вальдшнепы и куропатки

Частная коллекция, 1879

Кондратий Рылеев (1795–1826)

«Я ль буду в роковое время...»

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?

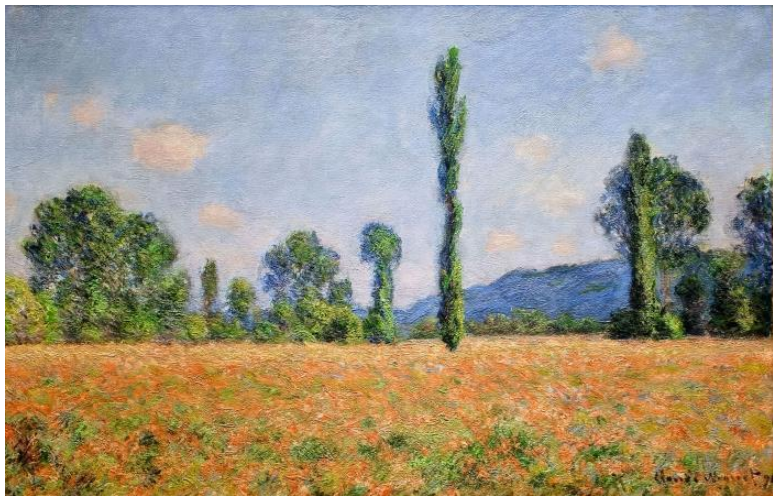
Нет, неспособен я в объятых сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век молодой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.

Пусть юноши, своей не разгадав судьбы,
Постигнуть не хотят предназначенье века
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетённую свободу человека.

Пусть с хладною душой бросают хладный взор
На бедствия своей отчизны
И не читают в них грядущий свой позор
И справедливые потомков укоризны.

Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятых праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдёт ни Брута, ни Риеги.

1824



Маковое поле у Живерни

Чикагский институт искусств, 1890

Из письма Булгарину

1

Когда от русского меча
Легли моголы в прах, стеная,
Россию бог карать не преставая,
Столь многочисленный, как саранча,
Приказных род в странах её обширных
Повсюду расселил,
Чтобы сердца сограждан мирных
Он навсегда, как червь, точил...

2

Кто не слышал из нас о хищных печенегах,
О лютых половцах иль о татарах злых,
О их неистовых набегах
И о хищеньях их?
Давно ль сей край, где Дон и Сосна протекают
Средь тучных пажитей и бархатных лугов
И их холодными струями напояют,

Был достояньем сих врагов?
Давно ли крымские наездники толпами

Из отческой земли
И старцев, и детей, и жён, тягча цепями,
В Тавриду дальнюю влекли?
Благодаря творцу, Россия покорила
Врагов надменных всех
И лет за несколько со славой отразила
Разбойника славнейшего набег...
Теперь лишь только при наездах
Свирепствуют одни исправники в уездах.

начало августа 1821



Поля с тюльпанами неподалеку от Гааги
(фрагмент)
Амстердам, Музей Ван Гога, 1886



Ветвь с лимонами

Частная коллекция, 1884

Стансы

А. Бестужеву

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне суждён в кругу людей.

Слишком рано мрак таинственный
Опыт грозный разогнал,
Слишком рано, друг единственный,
Я сердца людей узнал.

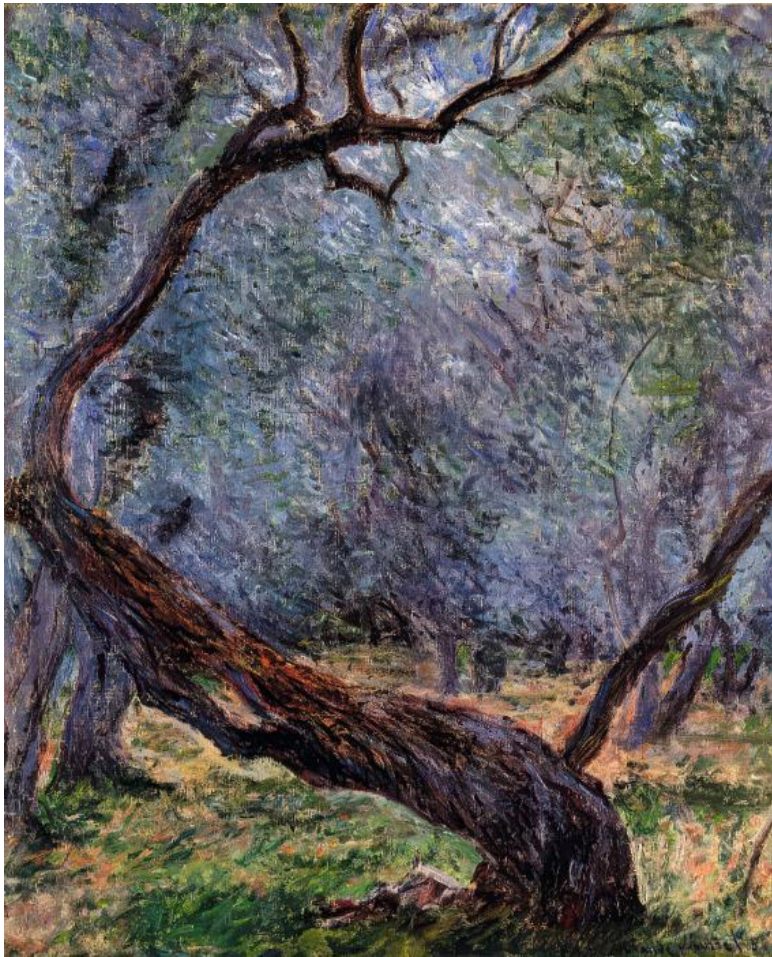
Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

С тяжкой грустью, с чёрной думою
Я с тех пор один брожу
И могилою угрюмою
Мир печальный нахожу.

Всюду встречи безотрадные!
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные

Иль бессмысленных детей...

1824



Этюд с оливковыми деревьями
Частная коллекция, 1884



Астры

Частная коллекция, 1880

Вильгельм Кюхельбекер (1797–1846)

Пробуждение

Благодатное забвеньё
Отлетело с томных вежд;
И в груди моей мученьё
Всех разрушенных надежд.

Что несёшь мне, день грядущий?
Отцвели мои цветы;
Слышу голос, вас зовущий,
Вас, души моей мечты!

И взвились они толпою
И уносят за собой
Юных дней моих с весною
Жизнь и радость и покой.

Но не ты ль, Любовь святая,
Мне хранителем дана!
Так лети ж, мечта золотая,
Увядай, моя весна!



Утро на Сене

(фрагмент)

Чикаго, Институт искусств, 1897

К друзьям, на Рейне

Мир над спящею пучиной,
Мир над долом и горой;
Рейн гладкою равниной
Разостлался предо мной.

Лёгкий чёлн меня лелеет,
Твердь небесная ясна,
С тихих вод прохлада веет:
В сердце льётся тишина!

Здесь, над вечными струями,
В сей давно желанный час,
Други! я в мечтаньях с вами;
Братия! я вижу вас!

Вам сей кубок, отягченный
Влагой чистой и златой;
Пью за наш союз священный,
Пью за русский край родной!

Но волна бежит и плещет
В безответную ладью;
Что же грудь моя трепещет,
Что же душу тьмит мою?



Ваза с цветами

Лондон, Галерея Курто, 1880

Встали в небе великаны —
Отражает их река:
Солнце то прорвёт туманы,
То уйдёт за облака!

Слышу птицу предвещаний,
Дик её унылый стон —
Светлую толпу мечтаний
И надежду гонит он!

О, скажи, жилец дубравы,
Томный, жалобный пророк:
Иль меня на поле славы
Ждёт неотразимый рок?

Или радостных объятий
К милым мне не простирать
И к груди дрожащей братий
При свиданье не прижать?

Да паду же за свободу,
За любовь души моей,
Жертва славному народу,
Гордость плачущих друзей!



Лодка на Сене у Жефосса

Частная коллекция, 1884

Клён

Скажи, кудрявый сын лесов священных,
Исполненный могучей красоты,
Средь камней, соков жизненных лишенных,
Какой судьбою вырос ты?

Ты развился перед моей тюрьмою...
Сколь многое напоминаешь мне!
Здесь не с кем мне... поговорю с тобою
О милой сердцу старине:

О времени, когда, подобно птице,
Жилище вольной средь твоих ветвей,
Я песнь свободную певал деннице
И блеску западных лучей;

Тогда с берегов смиренной Авиноры,
В лесах моей Эстонии родной,
Впервые жадно в даль простёр я взоры,
Мятежной мучимый тоской.

Твои всходящие до неба братья
Видали, как завешанную тьмой
Страну я звал, манил в свои объятья, —
И покачали головой.

А ныне ты свидетель совершенья
Того, что прорицали братья мне;
О ты, последний в мраке заточенья
Мой друг в далёкой стороне!

1832

19 октября 1837 года

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.